

18+

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Понедельник

Михаэль Фартуш

**Понедельник. Литературный
альманах. 9-й выпуск**

«Издательские решения»

Фартуш М.

Понедельник. Литературный альманах. 9-й выпуск / М. Фартуш —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511233-0

Международный альманах «Понедельник» продолжает знакомить с творчеством авторов литературного объединения «Понедельник начинается в субботу». В девятом изумрудном выпуске читатели откроют для себя новые имена, а также познакомятся с новыми произведениями уже полюбившихся авторов. В новом выпуске представлены произведения самых разных направлений, но все они связаны тонкими и живыми нитями в единый сюжет. И вдумчивый читатель обратит на это внимание.

ISBN 978-5-00-511233-0

© Фартуш М.
© Издательские решения

Содержание

Дорогие читатели!	7
Краткая история создания альманаха «Понедельник»	8
Так начинался «Понедельник» в 2017 году (Первая презентация альманаха) Понедельник» (Мицпе Рамон, апрель 2017 год)	10
Список авторов, произведения которых опубликованы в электронной книге «Понедельник 9».	15
Валентина Бендерская и Леонид Колганов (1955—2019)	16
Леонид Колганов (1955—2019)	17
Бог и ты	18
Под сенью ресниц	20
ДВЕ ПЕСНИ	21
Кровь войны	22
Чернобыль и Полюнь-Звезда	23
Твоя жилка	25
Царица и плющ	26
Сквозь тьму	27
Пьяный листопад	28
Днепр и Волга	29
Больше любви	30
Ночной звонок	31
Валентина Бендерская, Тель-Авив	32
ИЗ ЦИКЛА «ПАССАКАЛИЯ»	32
1. РЕТРОСПЕКТИВА	33
2. ПЕРСТЕНЬ С ЧЁРНЫМ ГРАНАТОМ	34
3. РАЗРЫВ-ТОСКА	35
4. ПЛАТА	36
5. ТВОЙ ЗОВ	37
6. МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ	38
7. ОМУТ	39
8. СПЯЩАЯ КНЯЖНА	40
9. РАБА ВИНЫ	41
10. ПЕРВОЗДАННОСТЬ	42
11. ПАССАКАЛИЯ	43
ДИПТИХ «БЕРДИЧЕВ»	44
1. ОТЧИЙ ДОМ	45
2. БЕРДИЧЕВ	46
ИЗ ЦИКЛА «ТРИ ВРЕМЕНИ ГОДА»	47
1. НАЧАЛО СЕЗОНА ДОЖДЕЙ	48
2. КОНЕЦ СУБТРОПИЧЕСКОЙ ЗИМЫ	49
3. ЛЕТО У КРАЯ ОЙКУМЕНЫ	50
ЦИКЛ «ИМЯ»	51
1. ИМЯ	52
2. СТРАСТИ ПО ВЕНЕЦИИ	53
3. БУМАЖНЫЙ ХЛЕБ	55
4. ЕЛАБУГА, 31 АВГУСТА	56
5. РАСКОЛЬНИК	57

6. ПИАНИСТ	58
Илья Бокштейн (1937—1999)	59
Памяти Леонида Аронсона	62
Авторы ЛитО «Понедельник», Израиль	64
Яша Хайн, Хайфа	65
Кому нужен альманах «Понедельник»?	66
Денис Камышев, Ашдод	68
Наталья Терликова, Холон	70
Новогодняя Ханукия	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Понедельник

Литературный альманах. 9-й выпуск

Авторы: Бендерская Валентина, Бокштейн Илья, Хайн Яша, Камышев Денис, Терликова Наталья, Старчевская Марина, Ландбург Михаил, Табачников Юрий, Авраменко Ирина, Пашанова Марина, Бержански Раиса, Каб Лидия, Кречмер Алла, Сегаль Феликс, Бокова Алёна, Гительман Михаил, Рибер Татьяна, Голда Ирен, Фартуш Михаэль, Смагаринский Яков, Патракова Лариса, Сливняк Маргарита, Злотина Роза, Колганов Леонид

Редактор Наталья Терликова

Дизайнер обложки Мария Серебренникова

Корректор Евгения Харитонова

Фотограф Малхаз Татикишвили

© Валентина Бендерская, 2020

© Илья Бокштейн, 2020

© Яша Хайн, 2020

© Денис Камышев, 2020

© Наталья Терликова, 2020

© Марина Старчевская, 2020

© Михаил Ландбург, 2020

© Юрий Табачников, 2020

© Ирина Авраменко, 2020

© Марина Пашанова, 2020

© Раиса Бержански, 2020

© Лидия Каб, 2020

© Алла Кречмер, 2020

© Феликс Сегаль, 2020

© Алёна Бокова, 2020

© Михаил Гительман, 2020

© Татьяна Рибер, 2020

© Ирен Голда, 2020

© Михаэль Фартуш, 2020

© Яков Смагаринский, 2020

© Лариса Патракова, 2020

© Маргарита Сливняк, 2020

© Роза Злотина, 2020

© Леонид Колганов, 2020

© Мария Серебренникова, дизайн обложки, 2020

© Малхаз Татикишвили, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-1233-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Международный альманах «Понедельник» продолжает знакомить Вас с творчеством участников литературного объединения «Понедельник». Несколько месяцев назад мы с авторами этого выпуска отправились в опасное путешествие по бурной и мутной реке ЛимПонии в Изумрудный город нашей мечты. В пути мы пережили массу всевозможных приключений, в том числе карантин, но таки удержались в одной лодке и собрали много чистейших изумрудов, которые представлены в этом выпуске.

Вас ждут произведения самых разных направлений, но все они связаны невидимыми, но живыми нитями в единый сюжет. И внимательный читатель обратит внимание на это.

Приятного чтения.

Главный редактор альманаха Наталья Терликова.

Краткая история создания альманаха «Понедельник»

«Я воскресенья не люблю,

*Но, жаждой творческой гонимый,
Я день тяжёлый и не чтимый, —
Тебя в веках благословлю!»*

Александр Вознесенский.

«Понедельник» родился в субботу в небольшом городке на Юге Израиля. Точнее не родился, а «спустился с небес» во время метеоритного дождя, который проливается раз году на город Мицпе Рамон, признанный Юнеско Международным Звёздным заповедником.

Сама идея собрать под одной обложкой авторов из разных городов Израиля мне давно не давала покоя. Все мы далеко не ангелы, и всеми крутит высшая сила. Но я свято верю в то, что художественная литература со временем становится документальной. Поэтому хотелось собрать не просто авторов, а тех, произведения которых излучают свет и любовь. Сначала я открыла виртуальное литературное объединение «Понедельник начинается в субботу», куда вошли уже известные мне писатели, поэты и мои ростовские коллеги-журналисты.

Но однажды ночью, когда в город Мицпе Рамон съезжаются туристы со всего мира на звёздную феерию, я совершенно случайно познакомилась с реальными авторами, которым действительно нужна была помощь издателя. Мои новые знакомые Илья Аснин, Владимир Костюковский и Марина Пашанова уже давно «писали в стол» и только мечтали о том, что когда-нибудь в далёком будущем их произведения увидят читатели. А чуть позже я также совершенно случайно встретила с Ларой Домниной, которая помогла мне организовать первую реальную студию «Понедельник в Мицпе Рамоне», а в последствие стала ангелом-хранителем нашего «Понедельника».

В феврале 2017 года в одном из русских издательств Тель-Авива вышел в свет альманах «Понедельник», который объединил под одной обложкой двадцать авторов из Мицпе Рамона, Иерусалима, Реховота, Беер-Шевы, Арада и Ашдода.

Конечно, радости не было предела, и на день рождения нового альманаха в библиотеке города Мицпе Рамона собралось много читателей и гостей не только из городов Юга страны, но и центра Израиля.

Но я не была уверена, что наш «Понедельник» выживет в мире, где так много теней и сомнений...

Однако, свет распространяется по своим законам, и ему неведомы сомнения, условности, границы государств, и во время работы над вторым выпуском к нам присоединились авторы из Греции, города Александрополя, Испании, города Мадрид, США, города Нью-Йорка, из России, городов Москвы и Волгодонска.

В апреле того же года вышел в свет второй выпуск, и наш альманах стал международным. А в самом конце 2017 года появился «легендарный» третий номер «Понедельника», после выпуска которого мы проснулись знаменитыми... И самое парадоксальное заключается в том, что таким неожиданным успехом мы обязаны абсолютно незнакомому человеку, который не имеет никакого отношения к нашему альманаху. Некий Яков Шаус, подцепив вирус звёздной болезни, решил, что он великий критик, имеет право состряпать статейку под названием: «Видно в Понедельник их мама родила» и опубликовать её в Фейсбуке. Уж не знаю, хотя догадываюсь, где он раздобыл безграмотные материалы, которые не вошли в третий выпуск

«Понедельника», но именно эти материалы легли в основу его критической статьи, в которой он буквально облил грязью авторов ЛитО «Понедельник начинается в субботу».

Но случилось чудо, и комки грязи превратились в драгоценные камни, которые мы заложили в прочный фундамент будущего четвёртого выпуска.

На «Понедельник» обратили внимание известные писатели и поэты, и во время работы над четвёртым выпуском к ЛитО «Понедельник начинается в субботу» к нашему ЛитО присоединились Михаил Ландбург, Ирина Сапир, Станислав Янчишин, Александр Бинштейн, Денис Камышев и совершенно потрясающие авторы из Сан-Диего Анна и Григорий Собко. Мы почувствовали себя детьми одного круга, круга света среди теней и сомнений. Именно тогда начали зарождаться новые отношения между авторами, отношения, исключающие фальшь, корысть и гордыню. В нашем литературном круге света зазвучала волшебная музыка слов. А перед самым выходом в свет нового выпуска мы познакомились с ещё одним неординарным автором Яшей Хаином. Именно Яша своей энергией буквально взорвал вакуум вокруг «Понедельника» и вытолкнул наш альманах на новый уровень. Презентацию выпуска мы уже проводили не только в Мицпе Рамоне, но и в Российском культурном центре в Тель-Авиве.

В пятом и шестом выпусках к нам присоединились потрясающие поэтессы из Нетаньи Ирина Авраменко и Алла Кречмер, а также весьма интересные прозаики Светлана Левитан из Кирыт Шмона и Зина Сорокур из Мицпе Рамона.

Весной 2019 года вышел в свет седьмой золотой выпуск «Понедельника», а в начале 2020 года восьмой, и в нашем литературном творческом пространстве появились новые звёздные имена: авторы из Австралии Лариса Патракова и Яков Смагаринский.

В новый девятый выпуск читатели откроют для себя новые имена, а также познакомятся с произведениями уже любимившихся авторов.

Главный редактор альманаха Наталья Терликова.

**Так начинался «Понедельник» в 2017 году
(Первая презентация альманаха)
Понедельник» (Мицпе Рамон, апрель 2017 год)**

Так начинался Понедельник в 2017 ом году.

Раиса Бержански, Наталья Терликова, Елена Кралина, Лара Домнина, Владимир Костковский, Эсфирь Шахновская, Вера Симкина

Видеосъёмка. Ольга Панарина

Зрители и гости презентации.

Валентина Бендерская и Леонид Колганов.

Леонид Колганов.

В добрый путь "Понедельник"!

Список авторов, произведения которых опубликованы в электронной книге «Понедельник 9».

– Валентина Бендерская и Леонид Колганов (1955—2019)

– Илья Бокштейн (1937—1999)

Авторы ЛитО «Понедельник», Израиль

– Яша Хайн, Хайфа

– Денис Камышев, Ашдод

– Наталья Терликова, Холон

– Марина Старчевская, Ришон-ле-Цион

– Михаил Ландбург, Ришон-ле-Цион

– Юрий Табачников, Ариэль

– Ирина Авраменко, Нетанья

– Марина Пашанова, Мицпе Рамон

– Раиса Бержански, Арад

– Лидия Каб, Бат Ям

– Алла Кречмер, Нетанья

– Феликс Сегаль, Арад

– Алёна Бокова, Тель-Авив

– Михаил Гительман, Мигдаль-а-Эмек

– Татьяна Рибер, Нес-Циона

– Ирен Голда, Тель-Авив

– Михаэль Фартуш, Офаким

Авторы ЛитО «Понедельник», Австралия

– Яков Смагаринский, Сидней

– Лариса Патракова, Сидней

Авторы ЛитО «Понедельник», Канада

– Маргарита Сливняк, Торонто

Авторы ЛитО «Понедельник», Литва

– Роза Злотина, Вильнюс

Валентина Бендерская и Леонид Колганов (1955—2019)

Леонид Колганов (1955—2019)

Трагически оборвалась земная жизнь поэта Леонида Колганова, но его произведения продолжают излучать свет и наполняют душу солнечной энергией.

Бог и ты

Валентине Бендерской

Мы друг от друга так далёко,
И -кажется- прошли века,
Но -Небо я целую в щёку,
И знаю: то твоя щека!

Святому месту не быть пусту,
Когда стоишь ты -так чиста,
Я -Иордан целую в устье,
И знаю: то твои уста!

В песках следы свои запутав,
Я на безлюдье изнемог,
Как Гулливер без лилипутов,
Явилась ты! А значит -Бог!

С тобой я не один в пустыне!
Опять узрев твои черты,
Мой гордый Демон пал и сгинул,
Остались только Бог и ты!

СМИРЕННЫЙ ДЕМОН

Валентине Бендерской

Хочу я с небом примириться.
М. Лермонтов

Любви твоей земная сила,
Мне не позволила пропасть,
Меня ты с Богом примирила
И в Бездну не дала упасть!

Зарубцевались все каверны,
От дней былых от дней лихих,
Я тот же демон, но смиренный,
Поверженный! Теперь я тих!

Отбросив прежнее безумство,
Я жизнь, словно слепой рукав,
Всю вывернул! Былое буйство,
Лежит со мной отбушевав!

Я сам отбушевал, как море,
Вернувшись в берегов овал,
И лёг со мной, мне тихо вторя,
У ног твоих Девятый вал!

И – словно заново рождённый,
Утихомирясь наконец,
Я счастлив, как опустошённый
От первой близости, юнец!

Под сенью ресниц

Валентине Бендерской

Я жил в тени твоей улыбки,
Под сенью от твоих ресниц,
Они – как синий веер зыбкий,
А, может, трепет райских птиц —
в ночи' раскинулись над нами.
И пусть мой путь затмила мгла,
Но под твоими я крылами,
Как тень от твоего крыла!
Уже не вижу отчей двери,
Не слышу зов родных могил,
Но – надо мной трепещет веер,
Как будто трепет райских крыл.

ДВЕ ПЕСНИ

Валентине Бендерской

Мы – две лебединые песни,
Сольёмся в полёте в одну,
Когда воспарив в Поднебесье —
В последнюю вышину, —

Застынем с тобою над Бездной,
Уже ничего не тая,
Моя лебединая песня,
Последняя песня моя!

И два лебединых порыва
Застынут, как стон, на лету,
Когда мы над пастью обрыва
Почуем небес пустоту!

И снова сольются две песни,
Когда мы, – небес вышину
Отбросив, – опустимся вместе
В земную, как ночь, глубину!

И будем, два ангела падших,
Лежать, – небесам бросив: «Прочь!..»
И будет лишь песня лебяжья
Над нами, как белая ночь!

Хочу я, отбросив все мили,
Лежать с тобой рядом в земле,
Чтоб жалась могила к могиле,
И мы вновь сливались во мгле!

Хочу, чтоб в Божественном Граде,
Где вечно идёт Вечный бой,
Прижалась ограда к оgrade,

Кровь войны

Нефть – это кровь войны.
Известное выражение

Валентине Бендерской

Когда я от тебя уехал,
И гнал в нощИ своих гнедых,
То плечи гор тряслись от смеха,
Как плечи викингов седых!
Смеялись горы, словно люди,
Над грудой наших пустыков,
Но вяли, будто женщин груди,
Тьмы, – мной подаренных цветов!
И друг от друга мы бежали,
Устав от пустыковых ссор,
И тени устАли лежали,
Как тучи, под глазами гор!
И был разрыв двойной непрочен,
И отступило в сумрак зло,
И солнце из объятий ночи,
Над нами заново взошло!
И среди этой круговерти,
Несли в жемчужной нас кровИ-
Не тёмные потоки нефти,
Потоки горные любви!
Несли потоков горных гривы,
Словно расхристанные львы,
Мы миновали все обрывы,
Скатившись с львиной головы!
Несли потоки нас земные,
Сходились мы, как две волны,
И отступали нефтяные-
Потоки, – крови и войны!

Чернобыль и Полынь-Звезда

До дней последних донца.
Владимир Маяковский

(Из цикла «Астральные Войны»)

Валентине Бендерской

Закончился наш лунный бред,
На день мы стали старше,
И солнце снова дарит свет
Из раскалённой чаши!
Готовы звёзды вновь взойти
На небе в час свой поздний,
Но солнце встало на пути,
Путь преградило звёздный!
На груди Матери-Земли
Готово солнце рухнуть,
Чтоб звёзды заново взошли
Должно оно потухнуть!
Тогда нас снова ждёт беда,
И не хотим мы чтобы-
Опять взошла Полынь-Звезда,
И пала на Чернобыль!
И -чтобы обрести Покой,
Чтоб вновь нас озарило,
Как Маяковский крикнем -Стой,
Не уходи светило! —
Нам без тебя совсем -Не быть! —
Свети опять до донца...
Как в этой жизни совместить
Полынь-Звезду и Солнце!?
Ведь- ты меня в наш первый день
Лучами озарила,
Затем нашла тень на плетень,
Твоя Полынь спалила!
Ты Солнце и Полынь-Звезда,
Единая в двух лицах,
И не уйти мне никуда,
Нет от тебя границы!
Неужто Звёздною Войной-
Идти мне в бой с любимой?...
Как совместить в тебе одной-
Всё, -что несовместимо?
Но может совместить любовь

Два разные светила:
Чтоб озарило Солнце вновь,
И вновь Полюнь спалила!
И хочет рок, коней взнуздав,
Чтоб мы горели оба:
Ты вечная Полюнь-Звезда,
Я -вечный твой Чернобыль!

Твоя жилка

У, Грушеньки, шельмы, есть один
такой изгиб тела, который и на
ножке отозвался, на левом мизинчике.
Ф. Достоевский

Валентине Бендерской

Кружили в танце ты и я,
Была вся в ожидании,
И жилка каждая твоя
Манила обещаньем!
И -извиваясь как река,
Во всех своих изгибах,
К себе манила рыбака,
Словно Царица-Рыба!
Но ты от моего огня
В том танце уходила,
Вот так, старателя маня,
В песок уходит жила!
Твоя была не у виска,
Прошла вдоль тела сразу,
И я за ней шёл средь песка,
Как Митя Карамазов! —
Тот, -что в другую жилу влип,
С неистовую силой,
И был за Грушенькин изгиб
Готов продать Россию!
Я всё разрушил, второпях,
Рванув судьбы Удила...
И плачу, потеряв тебя,
Как золотую жилу!
На золото не падок я,
Нет до него мне дела...
Мне жилка лишь нужна твоя,
Та, -что прошла вдоль тела!

Царица и плющ

Валентине Бендерской

Сошлись вы на одной тропе,
Что Уже узких улиц...
Чьи руки -сами по себе-
Вокруг тебя сомкнулись?
Незримым кто тебя плющом
Обвил в вечерней мгле?...
И царственным твоим плащом
Он не прижат к земле?
И век свободы не видать
Царице величальной,
Ведь ты свободна горевать
Лишь в одинокой спальне!
И ты, страдая и любя,
Вязала жизнь на пальцах...
И тихо гладили тебя
Его слепые пальцы!
Вязала жизнь свою, как вязь,
Причудливым узором,
Но он, – вокруг тебя вился,
Не выгнан был с позором!
Когда была ты на краю,
В своём предсмертном платье,
Он власть твою и жизнь твою
Ещё сжимал в объятьях!

СКВОЗЬ ТЬМУ

Валентине Бендерской.

С возрастом моё слабеет зрение,
Пред глазами кружатся слепни,
Но молю -Вернись хоть на мгновенье-,
И опять красою ослепи!
Ничего уже вблизи не вижу,
Но твою предвижу красоту,
Словно к смерти, к ней всё ближе, ближе,
Ей сто жизней мёртвых предпочту!
Как лунатик по неверной крыше,
Будто камикадзе, в даль идёт,
Я на голос твой, что вечно слышен,
Вновь иду, как старый идиот!
Как слепой подземный прорицатель,
Лишь тебя провижу в темноте,
И иду, мгновенно прозревая,
Я – к тебе, забыв о слепоте!
И -закончив битвы все друг с другом,
Оба проиграли мы войну,
Но твоим вновь окружённый кругом,
Снова вижу я тебя одну!
И валюсь, поверженный громами,
Словно острой скошенный косой,
Не седыми ослеплён годами,
А твоей пронзительной красой!

Пьяный листопад

Валентине Бендерской

Тень самолёта, как гигантской птицы,
Иль птицеящера? Попробуй разберись?
Когда любви заволокло зарницы,
И мы с небес упали оба в низь!
Я знаю дату точную прилёта,
Но не могу никак предугадать:
Ждать твоего в лазури самолёта?
А на земле его совсем не ждать?
И хочется начать мне всё по новой,
Уйти опять: где чисто и светло,
Пока в душе не стёрлись, как обновы,
Твои следы! Пока не замело!
В твоей душе покрыло всё забвенье,
В моей, как листопадная пора,
Кружило листьев огненных паренье,
Как искры в рдяном трепете костра!
Костёр погас, но угли всё мерцают,
И этому я бесконечно рад,
И кажется —я падаю, взлетая,
К твоим ногам, как пьяный листопад!
Унижен иль возвышен – мне едино,
Пока в мерцаньи снова не сошлись,
Я перепутал времени картины,
И опускаюсь в низь, как будто в высь!

Днепр и Волга

Валентине Бендерской

Противоположности сходятся,
Ненадолго, не навсегда,
А затем их пути расходятся,
Словно Волги с Днепром вода!
Ты ушла от меня надолго,
А, быть может, и навсегда,
И осталась мне Матушка-Волга,
А Днепра утекла вода!
Я – плотиною встать хочу,
Повернув вспять Днепро наудачу,
За друзей я долги плачу,
А по водам днепровским плачу!
Все обиды готов я понять:
Что ушёл он всерьёз и надолго...
Но во сне снова катится вспять —
Твой Днепро, разлучённый с Волгой!

Больше любви

Валентине Бендерской

Ты больше меня – ты судьбина,
Ты – волчья яма моя,
Свела – под конец – нас година,
Разбитая как колея!

Петлистые наши дороги,
Размытые наши пути,
Отброшенных Родин пороги,
Которых уже не найти!

Свели нас слепые Стихии,
Ожившие угли в крови,
Ты больше Украины, России,
И даже ты больше любви

Ночной звонок

Валентине Бендерской

Твой звонок -из нОчи сокровенной,
Он меня,как смерть,насквозь пронзил,
А затем -живой водой мгновенной-
Голос твой,как прежде,воскресил!

Голос твой,как встарь,животворящий,
Что всю жизнь в себе незримо нёс,
Забывал порой,как Град пропащий,
На него идя,как чуткий пёс!

Ибо -затонувший словно Китеж,
Он всю жизнь-весной- звенел во мне,
Так -что не услышишь,не увидишь,
Только чуешь -он на глубине!

Он -на глубине стихий мятежных,
На недостижимой вышине,
Самый нежный из рыданий нежных,
Ожил -Ярославною- во мне!

Я твоё держу сквозь годы стремя,
Ты такая ж нежная,как встарь,
И твой голос,опрокинув Время,
Вновь гремит в моей груди,как Царь-

Колокол,негаданно оживший,
И заговоривший в первый раз...
Я к тебе иду,мой давний Китеж,
Сквозь века иду к тебе сейчас!

Валентина Бендерская, Тель-Авив

ИЗ ЦИКЛА «ПАССАКАЛИЯ»

Светлой памяти Леонида Колганова

1. РЕТРОСПЕКТИВА

Солнце утром поднималось,
опоясывая день,
и не ведая усталость,
словно лучник, развлекалось,
мета в Землю, как в мишень.
А под вечер полоскало
пряди рыжие в воде
и, накрывшись одеялом,
за горою – в платье алом —
пряталось... Как конь в узде —
месяц выезжал на туче
и, трясясь под звёздный стон,
все поля вокруг окучив,
своей страстью неминучей
под гнусавый саксофон
ублажал души усталость
той, кому не двадцать лет...
Счастье выпало под старость:
испытать такую малость —
что любил меня ПОЭТ!

2. ПЕРСТЕНЬ С ЧЁРНЫМ ГРАНАТОМ

*...Чтоб жалась могила к могиле,
И вновь мы сливались во мгле!*

Л. Колганов

Ты перстень с чёрным гранатом
надел мне на палец зимой,
когда мороз призрачным сватом
на нас сыпал снежной крупой,
и ветер стелил рушниками
позёмку под «Свадебный марш»
у замка стоящей веками
горы, словно ворот апаш.
Нам скатертью стлались дороги,
а снились ухабы и рвы,
стихи обрывались на слоге,
горели дворцы синевы,
Морана* брэнчала метелью
по струнам остывшей земли —
готовую стать колыбелью,
чтоб вместе в неё мы легли,
и жалась могила к могиле
в кромешной безвылазной тьме.
Противилась я этой силе
и вечной могильной тюрьме.
Противилась смерти и тлену,
и вязкой рутине болот,
стирала засохшую пену
обрыдлых насущных хлопот!
Рождались стихи, как метели,
и мчались в трагический май,
где в буйстве черёмух и трелей
замолкли на слове: «Прощай...»,
взорвавшись, как бешеный атом,
затихли, как омут реки...
Но перстень твой, с чёрным гранатом
с тех пор не снимаю с руки.

**Морана (чеш.) – миф. персонаж, связанный с обрядами умирания и воскресания природы.*

3. РАЗРЫВ-ТОСКА

*Разрыв-трава, разрыв-трава
Мне разрывает грудь
Л. Колганов*

Я жена, твоя жена,
но послала судьба на
худосочное житьё вдовьей ночи.
И теперь моя тоска
заржавелого листка
угасающей луной тычет в очи.
А за ней разрыв-трава
жжёт мне грудь, твои слова
растерзали моё сердце в клочья.

4. ПЛАТА

*Все почести будут земные,
Вот только не будет меня.
Л. Колганов*

Трясёт осина предо мной
своими медякам,
а ты отдал свой золотой,
чтоб встретиться с веками.

Ты был не жаден: на распил
давал своё богатство,
свой неуёмный, страстный пыл
на нужды поэтбратства!

И братья брали, не стыдясь,
и сёстры не стыдились...
Лишь непорочна наша связь,
мы волюшкой кормились,

несли безропотно кресты
в желанье обоюдном
пронзить века, свести мосты
на поприще прилюдном.

Стоят мосты, звучат стихи,
разносит песни выюга,
но нет тепла твоей руки,
тебя – моего друга.

5.ТВОЙ ЗОВ

*Остались только Бог и ты.
Л. Колганов*

Мои глаза оливкового цвета
вобрали зелень ведьминых болот.
В пустую жизнь, как рыжая комета,
я ворвалась – твой самый главный лот,

Сжигая всё в пространном ареале,
я пролетела над твоей судьбой.
И, перепутав все пути в астрале,
на время твоя смерть дала отбой.

В твоей душе – глубокие ожоги,
моих потерь не пожелать врагу!
Но было рано подводить итоги.
Сменив хамсин на зимнюю пургу,

ты полетел, неся меня на крыльях
своих побед и застарелых бед.
Огнём взметнула прыть моя кобыля!
И не было счастливей этих лет!!!

Как битый молью, чёрный бархат ночи
унёс тебя в безмолвность черноты
и, как могильный червь, мне душу точит,
зовёт туда, где рядом будешь ты.

6. МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

И я прошу: «Грачей и снег верните...»

Л. Колганов

Я сплету из твоих стихов
наш портрет навсегда двуединый.
Пару строф или пару слов
станут прожитой жизни картиной,
на которой – «чётный квадрат»
и грачи улета́ли далече,
умирала любовь стократ
в ожидании радости встречи,
где вдвоём, отпустив закат,
день встречали в объятиях солнца,
не был нужен ни брат, ни сват,
ни сиянье в манящих оконцах,
где весь Мир был в тебе одном —
ты и храм мой, и Светоч, и Демон,
где величье вечным грехо́м
восставало на подступе зрелом!
Ты теперь на другом берегу, —
ну а я занята круговертью:
в ней любовь твою берегу,
разрываясь меж жизнью и смертью.

7. ОМУТ

*Вы не достойны и русского мата,
Я же по жизни лечу без плацкарты!
Л. Колганов*

Моя печаль без дна и гроба.
В ней утонули нынче оба:
ты – до кончины, панихиды,
а я теперь, когда обиды
смешны и жалки, как и те,
кто нам в колёса тыкал палки.

Напрасен их сизифов труд,
их, как больничные каталки,
колёса жизни перетрут
и перетопчут в слое пыли
их безывестные могилы.

Ты снился мне такой счастливый,
такой родной и сердцу милый,
бежал, объятья распростёр,
и рядом бойкий репортёр
хотел заснять моменты встречи!

Меня ты ждал, как ждёт любовник
объятий страсти роковой,
шёл на свиданье, как паломник
идёт к иконе пресвятой!
С твоим уходом в сон безбрежный
жизнь никогда не будет прежней.

8. СПЯЩАЯ КНЯЖНА

*Круги расходятся разлуки —
И — по воде, и по — земле!
Л. Колганов*

Молчит твой телефон,
страница на фейсбуке.
Окончен марафон,
где мы с тобой в разлуке,

в полёте роковом
меж родиной и домом.
Пошло всё кувырком,
земной коры разломом.

Пошли в тартарары
любовь моя и нежность,
потушены костры
и бурь твоих мятежность.

Тоской поражена,
попала горю в сети.
Как спящая княжна,
мертва на этом свете.

9. РАБА ВИНЫ

*Мы – две лебединые песни,
Сольёмся в полёте в одну...
Л. Колганов*

Тот май отбушевал в просвет
последних дней любовью.
Я приклонила маков цвет
к могилы изголовью.

Скитаясь в горькой тишине
по памяти глубинной,
где гимном стал тебе и мне
звук песни лебединой,

я – призрак тучи дождевой,
всё время льющей слёзы,
и над тобой, и над судьбой —
печальные прогнозы,

и ни жива, и ни мертва,
бессмысленно блуждая, —
как прошлогодняя ботва
былого урожая,

лежу отбросом у стены, —
ни ночь, ни день не милы.
И вянет мак рабом вины
и я с ним у могилы.

10. ПЕРВОЗДАННОСТЬ

*Не седыми ослеплён годами,
А твоей пронзительной красой!*
Л. Колганов

Зацветает опять баугиния,
отряхнувшись от старой коры.
Для тебя оставалась Богиней я
до последних дней звёздной поры.
Эта сила твоей первозданности
мне дарована раньше была,
хоть и жизни земной нашей странности
заразительны, как кабала,
чередую с фанерными позами
эталонов мирской красоты,
где кидают – смертельными грёзами —
с пантеонов подложных понты.
Эталоны все эти мне побоку
и, отбросив планктон кормовой,
повинуюсь я чувству глубокому
лишь к тебе, мой во веки СВЯТОЙ!

11. ПАССАКАЛИЯ

«Человек исчезает как тень»

(итал. *Passacaglia della vita*, лат. «*Homo fugit velut umbra*»)

Не поедem с тобой в Италию
И в Венеции нам не бывать...
Я сегодня пишу пассакалию
И смотрю на пустую кровать,

На тобою обжитое кресло —
Мне поэтом оставленный трон,
Слышу ныне, во веки и присно
Твой звучащий над ним баритон —

Голос-гром из глубин подсознания,
Из утробы болот и песков,
Из желанья, мычанья, стенанья
Всех библейских племён и веков,

Голос боли зубной и скрипучий,
Словно ржавый усталый металл.
Билась в теле душа, как в падучей, —
Ты в неё свои стрелы метал.

Все слова твои – царские фасцы,
Символ власти над серостью тла,
Или душные сатисфакции —
След от розог на «мёртвых» телах.

Ярославною, плачущей скорбно,
Отпеваю я душу твою.
Над судьбою волчицей утробно
Нам ветра пассакалью поют.

ДИПТИХ «БЕРДИЧЕВ»

1. ОТЧИЙ ДОМ

Дом ещё живёт и дышит
Ранним утром акварельным,
Сном таинственным под крышей
И томлением пастельным.
Ещё бури и прибои
В нём бушуют, как и прежде.
Только жёлтые обои,
Как потёртые одежды.
Только трещин паутина
Расползлась по штукатурке,
И в пруду заросшем тина,
Словно бархат на шкатулке.
Малахитовая зелень
Обнимает дом снаружи,
Зев оконный в нём побелен
Отпечатком нежных кружев.
И пока в нём бьётся сердце
В ожиданье блудной дочки,
Я сюда приду погреться
И плести из слов веночки.

2. БЕРДИЧЕВ

Мой город родной, неказистый,
С потёртостью маленьких крыш.
В реке под горою волнистой
Ласкается томный камыш.
Плывут между улочек скромных
Неспешно уютные дни
И в двориках старых укромных
Мерцающей жизни огни...
Мне любы твои ароматы,
Капли из вишенных вен
И остров небрежно косматый
Вблизи кармелитовых стен,
Надтреснувший звук колокольни,
Израненной горестью лет,
И крик петуха протокольный,
Вещающий **новый** рассвет!!!

ИЗ ЦИКЛА «ТРИ ВРЕМЕНИ ГОДА»

1.НАЧАЛО СЕЗОНА ДОЖДЕЙ

Смывая пыль и грязь за лето,
обрушился на город дождь
и, как блестящею монетой,
сверкает лужами, кометой
гарцует босоногий вождь!
Вода! Вода! Живая сила!!!
И горло пересохших рек,
морщины склонов напоила,
как будто только и радела,
чтоб сократить пустыни век.
Вновь караваны горных лысин
покроет редкий пух клочков
травы, кустов, как корку – плесень.
Признание громо'вых песен —
скупая красота цветов!

2. КОНЕЦ СУБТРОПИЧЕСКОЙ ЗИМЫ

Разливает молоко на кусты и на деревья
По весне корова Нут,* нежась в солнечной траве.
Это первые дары новолетнего преддверья,
Несравненные дары нагим веткам и листве.
Вновь теплом преобразилась онемевшая пора,
Расплескалась, развопилась, словно невидаль какая,
Обновилась диорама вдоль облезлого двора,
На припёке растянута ящерица золотая.
Оживился пейзаж взбудораженным стаффажем —
Воскресенью нет числа на листках календарей.
Перекрикивая гул, воспарил галдёж над пляжем
Завершением сезона субтропических дождей.
* *Корова Нут* – древнеегипетская богиня неба (смена дня и ночи)

3. ЛЕТО У КРАЯ ОЙКУМЕНЫ

Влажная липкая кожа, налитая
мякоть телесная – мятая глина.
Простынь прилипла к скелету. С исходом дня
ночь обезумела...
Красными, будто варёными раками,
Устланы пляжи телами бессильными.
Бьются в истерике на судах с баками
волны плаксивые.
Вот оно, лето, – горячее, паркое,
зноем палящее, солнцем клеймящее,
с тенью, никак не спасающей, парками
зелень томящее...
Ветки обмякли, к жару тугоплавкие,
скрючились, съёжились в струпья до вечера.
Их ожидает – влюблённых (над лавками)
тайная ве'черя...

ЦИКЛ «ИМЯ»

1. ИМЯ

Она, как небес корабли,
плывёт, не касаясь земли,
младенца держа на руках.
Какой он оставит в веках
след дел – от столиц до окраин?
И было его имя Каин...
Она, как мираж пустыни,
идёт в длинном платье из сини,
к груди прижимая сокровище:
кто – ангел он или чудовище
для мира, так ждущего чуда?
Ему дали имя – Иуда...
Летит быстроекрылою птицей
в тунике из скромного ситца.
У мира всего наяву —
ребёнок родился в хлеву.
Какую он весть нам принёс?
И звали его Христос!

2. СТРАСТИ ПО ВЕНЕЦИИ

I

Зной (как среди песков Сахары)
дыханьем разогретых тел
подогревался и без пары,
не напрягаясь, буйно прел,

соединяя запах тленья,
морского бриза, пота псов,
испытывал домов терпенье
и обитателей дворцов.

По венам с жёлто-серой плазмой
в гондолах ёрзал сгоряча
и ниспадал слезой алмазной
со лба до самого плеча.

Я с ним сроднилась, будто с духом
венетических мудрецов,
и на фасадах зорким оком
искала взгляды праотцов.

И силуэт в гробах каньонов
мелькал обломком миражей,
отбрасывая тень поклонов
из окон разных этажей.

Совсем не это время года
владело северным волхвом.
И уж совсем не та погода
роднит Венецию с «Петром».

Хотя и тот, и этот – камень,
но в обрамлении воды
закрылся плотным слоем ставень,
как в ожидании беды.

Столпотворенье Вавилона,
галдёж, как в пятничный базар...
А в небе облако-икона
лучилось, как из тьмы квазар...

Мосты, мосточки, гроздь фонтана...
У той, у этой ли воды

¹ Иосифу Бродскому

гулял поэт?... У «Флориана»* —
свой счёт избранников судьбы...

Брег Сан-Микеле* – третий лишний
сей карнавальной суетни,
в могильные забился ниши
под звук цикадной стрекотни.

Покойный остров в жизни прений
стоит вдали, особняком,
и спит на нём мой светлый гений
под солнцем высохшим цветком...

*«Флориан» – самое старое кафе Европы, появившееся в далёком 1720 году. Его посещали многие известные личности, такие как Казанова, Хемингуэй, Байрон и Бродский. И в наше время здесь нередко появляются знаменитости.

3.БУМАЖНЫЙ ХЛЕБ

*Пойдем, поэт,
взорим,
вспоём
у мира в сером хламе.
В Маяковский*

Встреча с тобою была, как взрыв
Атомно-водородной бомбы.
Стихи читала наотмашь, навзрыд,
Круша в глухих душах тромбы!!!
Слог твой – как ветер свежий в лицо,
Хлёсток молнией яркой,
Лезвие бритвы, молот с серпом,
Дух пёчи доменной жаркой!!!
Ты с Солнцем пошёл взорить, воспеть,
У мира в сером хламе.
В трио возьмите меня к себе —
Я буду петь вместе с вами.
Петь буду смело горнилом вслед,
Мясом к гарниру из стали.
Благословляю бумажный ваш хлеб
За то, что выжить мне дали!

4. ЕЛАБУГА, 31 АВГУСТА

*– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!
М. Цветаева*

Краснощёкие нектарины
подавали сегодня к столу.
День последний усопшей Марины
загорался в музейном углу,
В заточении за занавеской
поднимался в предутренней мгле,
на стене угасающей фреской
под гвоздём в сердобольной петле.
Может, фартук тому был причиной
и пустой его вечно карман,
что записку друзьям и ключи на
скатерть брошены, как в океан?!
Может, сил больше не было верить?
Только нет в этом Божьей вины —
кто не знал скотской жизни потери, —
не был женщиной этой страны!
Здесь в музее сверкают витрины,
отражая оставленный след
в этом доме душою Марины,
но в котором её больше нет.

5.РАСКОЛЬНИК

*Я вернулся в мир казнить
Всех, кто был фальшивой масти!
Л. Губанов*

Он пришёл – молодым!!!
И ушёл – молодым.
Скок по полю – гнедым!
Едкий – с искрами – дым!
Колокольный надрыв!
Безутешный набат!
Ослепительный взрыв —
Мой растерзанный брат!
И с расколом – раскол!
И с женою – жених...
Он с оскалом – металл,
Всех карающий – стих!!!
Из житья выйти смог
За предел нежитья!
К чаше дерзкого «СМОГ»*
Причастилась и я!

**СМОГ – молодёжно-поэтическое движение начала 60-х годов.*

6. ПИАНИСТ

Владимиру Крайневу

Возвращаясь домой, потрясеньем гордясь,
Мне кричать всем хотелось от счастья:
Там играл пианист – страсть по струнам лилась
От натянутых жил до запястья!
Звук – по локоть, плечо, предо мной, надо мной,
На себя будто бы нанизала, —
Виртуоза игра иерихонской трубой
Разрушала апатию зала!
Тишины монолит, как Берлинской стены
Всей торос из железобетона,
Раскололся под властью витальной волны
Торжества совершенного тона!
Возвратившись домой, позабыв обо всём,
Диск крутила – в тоске – граммофонный.
Там играл пианист, – рассказать бы о нём,
Да молчал аппарат телефонный...

Илья Бокштейн (1937—1999)

В октябре этого года исполнилось двадцать лет со дня смерти Ильи Бокштейна. Поэт ушёл из земной жизни, но по-прежнему с нами в более тонком литературном пространстве,

а его уникальные произведения изящно вплетаются в общее волшебное кружево современной израильской поэзии на русском языке. Издатели и читатели альманаха «Понедельник» выражают искреннюю благодарность родственникам Поэта: внучатому племяннику Илье Бокштейну и его маме Юлии Бокштейн за предоставленные материалы.

Пространство меня обнажает,
в прострацию вводит восход
не солнца. Чего? Я не знаю.
Секрет океаном растет,
претит описание жизни —
холодного ветра пятно,
в плаще словотворческой мысли,
что высится храма окном.
И все, что любовью хранимо,
на тайном холсте заволнит,
плывут мне навстречу — незримы —
предчувствия знаков одних,
Крик пропасти, что окрыляет
прорывы затверженных слов,
в обрыве вниманья вздыхает,
ступени убрав у шагов,
и разум от них улетает
в уныло крылатый простор,
что ангелам видится раем,
а змеям узорами нор.

Памяти Леонида Аронзона

Здесь кроме тишины кого-то нет,
Кого-то нет, застыло удивленье.
Струится дождь, как с листьев тонкий свет,
Намокший лист – зеленое затмение.
Намокший лист – намек освобожденья,
Разрыв, теперь мы людям не чета,
Теперь мы чуть от ветра отклоненье,
Хоть ветра нет, есть чистота листа.
Здесь кроме тишины поэта нет,
Последних листьев наводнение,
Прходит дождь, как с ветки тонкий свет,
Как таинство его освобожденья.
Он понял: здесь не нужен парабеллум,
Ни мрака на душе, ни вспышки гнева,
И счастье здесь не стоит птичьего хвоста.
Здесь ничего не нужно, —
В такт тишине растаять.
Мокнет красота. И капли тяжелы,
Как свежесть чутко белая;
И капли тяжелы, как свежесть – Шутка белая,
Не помню: осень ли,
Весна с дождя слетела
Запомнить след летящего листа.

* * *

Под беретом березо-узорчатых труб
Стрелки клена с коронами сосен обвенчаны
И сосульками красок обвешаны,
И по-детски весенне расцвечены
Отпечатком влюбленно рассеянных губ,
Что осеннему ветру, как речи, завещаны.

* * *

Там за порогом
Смутные желания
Растут,
Чуть тянутся...
Прошли...
Лишь пустота,
Открыв ладонь отчаяния,
Взошла цветком
Из-под земли.

* * *

Искусство – это тайна исчезать,
И становиться всем,

Чем пожелаешь,
Чтоб самый зрячий
И слепой тебя могли
За зеркало принять.

Авторы ЛитО «Понедельник», Израиль

Яша Хайн, Хайфа

Кому нужен альманах «Понедельник»?

Международному литературному альманаху «Понедельник» исполнилось три года. Скоро выйдет в свет «Понедельник 10». Самое время спросить: кому это надо и надолго ли хватит энергии и дарования? Случайно ли соприкосновение израильских репатриантов, пишущих по-русски, или причиной является неизлечимая мания созидания главного редактора альманаха Натальи Терликовой?

Возможно, что русские люди в целом и многочисленные евреи, пишущие по-русски в частности, стремятся к централизации, необходимости вместе высказаться на новой родине в условиях, которые Иосиф Бродский определил как «психологическую Сахару, которая начинается прямо в вашей спальне и теснит горизонт».

Быть русским эмигрантом, точнее репатриантом, в еврейском государстве, где коренное население имеет собственное мнение по любой проблеме, жить в условиях ракетных обстрелов и жарких политических интриг – совсем непросто для постсоветского гражданина, привыкшего к подавляющему аппарату государственной машины, серости и тотальному «единодушию патриотических мнений». Заурядному репатрианту в Израиле помечтать бы о покое, о тенистом тихом уголке на измученной зноем и войной земле. Но в Израиле все попытки найти покой или воскресить недавнее российское прошлое похожи на безнадёжные усилия младенца, пытающегося схватить прыгающий мячик, который постоянно выскальзывает из протянутых рук.

Международный альманах «Понедельник» – звучит внушительно, но это скорее камуфляж: 90% авторов альманаха платят налоги в Израиле, кроме них в восьми изданиях альманаха присутствуют всего лишь несколько литераторов из России, Украины, США и Германии. Так что речь идёт в основном об израильских литераторах, пишущих стихи и рассказы на русском языке. Понятно, что каждый автор стремится к расширению своей аудитории, в то время, как число информированных читателей весьма невелико. К сожалению, как заметил Борис Гройс, «призыв к солидарности в наше время почти всегда сопровождается апелляцией не к общности происхождения разума, здравого смысла или человеческой природы, а к опасности общей гибели в результате ядерной войны или глобального потепления».

В условиях, израильского антагонизма становится естественным желание репатриантов-литераторов найти общность интересов и цели творческого сосуществования.

«Понедельник» объединяет выходцев из различных уголков бывшего огромного Советского Союза. Часть из них приехала в Израиль более сорока лет тому назад, а некоторые являются совсем «свежими», часть достойно зарабатывает на хлеб своим ремеслом, а многие материально бедствуют. Однако все они живут в государстве, которое принуждает человека овладевать искусством сохранения душевных сил при экстремальных ситуациях, в стране, где реальность богаче и обманчивее искусства и где публика и актёры поменялись местами: в зале царит сумасшествие, а на сцене – полный реализм. Реальность эта и отражается в произведениях авторов. Как провозгласил Уоллес Стивенс: «Если мы желаем сформулировать точную теорию поэзии, то необходимо исследовать структуру реальности, ибо реальность есть отправная точка поэзии».

Говоря о поэзии, я, конечно, подразумеваю и прозу, которая в хорошем её исполнении не менее поэтична. Хороший литератор – всегда орудие своего языка, но в некоторых произведениях альманаха присутствует чрезмерная разговорность, чувствуется недостаточное богатство языка, оторванного от питательной почвы постоянного общения с русской современностью. Вместе с тем хотелось бы отметить и незаурядные произведения, в которых авторы являются и искусными рассказчиками, и учителями, и магическими волшебниками.

Разнообразие тем и стилей авторов, сплетение стихов, коротких рассказов и фантастических прозаических миниатюр с богатой образностью израильской реальности позволяет насладиться лирикой простого русского языка, совмещённого с неиссякаемой еврейской мудростью. Естественно, что ни один поэт, ни один художник, взятый сам по себе, не исчерпывает своего значения, не существует вне традиций, создавших его как творческую личность. В связи с этим приятно отметить, что авторы «Понедельника» являются продолжателями русской классической традиции и вместе с тем несут свою «личную правду», не скатываясь в пропасть «бездонной тоски», свойственную большому количеству эмигрантской русской литературы.

Бродский в своём коротком эссе о Бэлле Ахмадулиной писал: «Поэзия есть искусство границ, и никто не знает этого лучше, чем русский поэт... Существуют лишь два выхода из этой ситуации: либо предпринять попытку прорваться сквозь барьеры, либо возлюбить их».

Альманах «Понедельник», несомненно, пытается прорваться сквозь барьеры разобщённости израильского общества, стараясь построить мост между местным истеблишментом и группой русскоязычных писателей, которые пока плавают в своём маленьком литературном бассейне, но поддерживают миссию гордо поднятой головы русско-израильских авторов, надеющихся в скором времени перебраться в бурные, но тёплые воды литературного Средиземноморья.

Денис Камышев, Ашдод

Доброго времени суток, граждане писатели, поэты и читатели. Даже такое печальное событие, как свадьба, бывает золотой, если пара окольцованных государством не поубивала друг друга. Что уж говорить про девятый, изумрудный выпуск «Понедельника». Изумрудный – мой любимый цвет. Недаром мой сетевой никнейм Гудвин. Наш девятый выпуск чем-то похож на Изумрудный город, где все мы хотим быть волшебниками. Кто-то приходит в него, как Стра-

шила за мозгами, кто-то за храбростью, кто-то хочет найти утраченное сердце. А кто-то просто живет в этом городе и творит свое волшебство. Не стесняемся, проходим. Вас ожидает раздача слонов и материализация духов. И каждый найдет здесь свой личный изумруд. Не забудьте только надеть специальные очки с зелеными стеклами.

Что есть слова? Набор стеклянных бус,
за них у дикарей был выменян Манхеттен.
В поступках правда, слов теперь боюсь —
Я мастер слов. Я в них великолепен.

Маски сонные лиц жизнь несет на работу,
Грея пальцы стаканчиком утренним кофе.
А я греюсь котом, неразборчиво что-то
Мне урчащим... Возможно, контент философий.
Под домашний джаз-бэнд завываний стиралки
Я ныряю в свой космос застенчивых снов.
Засыпая, я знаю: все в полном порядке,
Потому что мой сон охраняет любовь...

Утро слезилось дождливой печалью,
Серое небо сонного Бога.
Выпью горячего сладкого чая,
Раннее чувство, что времени много.
Холод прижался к потеющим окнам,
Долбит морзянкой стучащей капли.
Воздух из взвеси влажнеющей соткан,
Мир одеяла, убежище лени...

Я слушал вечность в раковине снов —
Она шумела морем... мир был чист
Той чистотой ребенка непорочной,
С которой мы приходим первозданно...
И я в ней — одинокий аутист,
А за спиною хаоса дыхание,
Бездонных страхов зев,
Что жрут нас изнутри...
Я вошь на крае блюда мироздания,
Молекула божественной любви...

Наталья Терликова, Холон

В меня редко кидали камни, которые прятали за пазухой. Побаивались. Однако случилось, и было больно. А когда становилось невыносимо больно, я училась ловить эти камни. И первый свой изумруд я поймала от преподавателя диалектического материализма, когда на экзамене совершенно искренне заявила, что мысль материальна. Профессор обозвал меня вульгарной материалисткой, а я обиделась и начала доказывать, что это не так, ссылаясь на факты. Мол, даже медики зафиксировали, что голосовые связки у человека производят колебания не только когда он говорит, но и когда молчит и думает.

В университете разразился страшный скандал. И мне крупно повезло, что я тогда училась не на факультете журналистики, а заканчивала механико-математический. Меня не отчислили.

Естественно, я была напугана, но ещё больше убеждена, что утверждение «Мысль материальна» такая же истина, как утверждение «Земля вертится».

Новогодняя Ханукия

В Ханукальном подсвечнике мигали семь свечей, на игровом столике замерло пластмассовое войско Хасмонеев, а Изя и Шмулик стояли у окна и внимательно наблюдали за движением тяжёлого алого светила, которое медленно заходило за линию горизонта. Отсюда хорошо просматривались небеса, и мальчишкам казалось, что они парят в воздухе вслед за уходящим солнцем, а все неудачи и обиды растворяются в наступающих сумерках.

Во двор неожиданно заехал мебельный фургончик и остановился у соседнего подъезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.